

Олег ПОГАСИЙ

Олег Погасий родился в 1955 Ленинграде, Окончил Карагандинский политехнический институт. Работал в Ленинграде инженером в строительном тресте, сотрудником в Государственном музее истории Санкт-Петербурга. Печатался в журналах «Урал», «Новый берег», «Нижний Новгород», «Южный Остров» (Новая Зеландия) и др. Автор книги повестей и рассказов «Чужой сон». Живет в Санкт-Петербурге.

ТВОИ СЛЕЗЫ

Рассказ

«На углу Малого и Десятой линии... или Восьмой, – сомневаешься ты, постоянно путая местонахождения киосков печати и ремонта обуви – куда давно не заглядывал; как там: стоит еще книга или – наконец купили?» Пробежал сегодня несколько киосков, спустился в переход к станции метро, где в остекленном отсеке прессы, с ценником на пластмассовой скрепке выстаивает уже два месяца экземпляр из не раскупленных – в длинном пластиковом кармане на почти нижней полке, на уровне колен, ниже кроссворды, раскраски, бабушкины байки, советы садоводам и дачникам, и проч., проч.; а на уровне глаз журнальный глянец с лощеными обложками, отливающими радостью путешествий на тропические острова под опашала пальм, в комфорт белоснежных отелей. Пусть и на дрянной серой бумаге и в мягкой обложке твоя книга карманного размера, но в страницах спрятано сокровище, как бриллиант в оправе изысканной формы, и отдается всего за сотку. Раз-два в неделю совершаешь обходы, ревниво отслеживая продажи. Взяли сразу, редактор прислал на «мыло» через день – «берем, ставим на весну-лето». С книжными магазинами издательство не работает. На киоске опущены жалюзи, тех. перерыв 15 минут. А значит полчаса. Поворачиваешь к мрачноватому зданию грязно-бордового цвета, доходному дому радикальных архитектурных решений, воплощенных в гремучую смесь модерна с атлантами, держащими угловые эркеры с закатанными от стресса глазами, и новорусского стиля, глядящего узкими глазами окон, бойниц, и венчающим фронтон здания гигантским, облицованным мозаикой лубочной картинкой, кокошником. Смотришь на свое окно, задернутое наполовину синими шторами. Забыл выключить свет? Не помнишь, чтобы вообще включал. Поднимаешься по широкой полутемной лестнице. На втором этаже светится одинокая лампочка, как Полярная звезда в темной материи подъезда, пахнет котами. Повозившись с замком, открываешь дверь. Быстро проходишь в дальнюю комнату. Нет, свет выключен. Странно. Кружок клавиши выключателя в нижнем положении. Давишь на черточку на противоположной стороне клавиши. Комната озаряется приятным мягким светом. Видишь остро заточенный карандаш на желтом паркете. Переводишь клавишу в обратное положение. Свет гаснет. Жмешь на черточку еще раз. Работает исправно. В скользящем блеске граней на подоконнике стакан, рядом алебастровый шар, как натура для рисунка. Включаешь телевизор. Светловолосая ведущая программы «есть что почитать», в черном костюмчике с вырезом под горло, бережно откладывает книгу, накрывает её ладонью, выдерживает паузу, берет следующую, приподнимает, повернув обложкой к камере, и приятным мелодичным голосом сообщает: «Илья Гатилов, роман “Твои слезы”». «Многослойная драма с неожиданной философской подкладкой, тираж почти раскуплен, спешите». Первое чувство, что охватывает тебя – это не про тебя, или точнее сказать – не с тобой сейчас происходит. Ты не веришь своим ушам и глазам. Жадно вглядываешься и вслушиваешься. Впериваешься в экран. Готов туда пойти. Светловолосая, развернув твою книгу, улыбаясь, зачитывает, предварив замечанием, что в тексте просматривается намек

на известную библейскую историю, сущность которой автор выворачивает наизнанку, – «можно и не оборачиваться, если ничего по существу и нет, не боясь превратиться в сине-белую бумажную пачку поваренной соли с надписью наискосок “твои слезы”». Ты в приподнятом настроении. Нет, ты паришь от радости. Это твой триумф! Не хочешь ничего больше видеть и слышать, и потому не сразу до тебя доходит, что по экрану твоего телефона идет вызов, с незнакомым номером, такие, как правило, оставляешь без ответа; но внутреннее чувство подталкивает провести пальцем по зеленой стрелке вверх. Звонок из Парижа! Голос с легким акцентом, не нарушая правила спряжения и склонения сообщает, что издательство, звучит на французском, хочет приобрести права на перевод твоего романа. Если ты согласен, агент с договором прибудет к тебе в скором времени, в данный момент он недалеко от тебя; ты не можешь поверить свалившейся удаче и, потерянным от волнения голосом, – конечно соглашаешься. На всякий случай, чтобы до конца уверовать в происходящее, смотришь на дату, отображенную в телефоне. Всё верно, как говорится: день в день. Наступает мутноватое безвременье, ненадолго; раздаётся звонок в дверь. «Агент?!» – вспыхивает, опаляет радостная мысль. Бросаешься к двери, отворяешь. Входит какой-то тип в длинном темном пальто, шерстяном, воротник модно приподнят. На ногах берцы с блестящими крючками для шнурков. На лице черная маска с отверстиями, обведенными белым, для глаз и красным для рта. В руке короткоствольное ружьё, обрез, подталкивает дулом тебя; раздает команды жестким голосом, отдающим эхом. Слова – камни. «Прошел к окну, быстро!» «Стоять тихо!» Ты в замешательстве, ничего не понимаешь. «Как же так?» – застревает в тебе мысль, как заноза, трешь лоб и отходишь к окну. Тип подходит к деревянной кровати у стены, сбрасывает постельное бельё на пол, пинает подушку в угол. Отодвигает кровать, распахивает пальто, вытаскивает из кармана на подкладке фомку. Кладет ружье на пол, поддевает фомкой плинтус, выворачивает его, и начинает от стены снимать фомкой паркетные досточки. Добирается до фанерного щита под ними, со скрипом поднимает его, отрывает рукой. Отбрасывает к твоим ногам. Нагибается и шарит рукой под не поднятым паркетом, вытаскивает пыльный мешок, вытряхивает из него слитки золота. Издаёт победный рык, взвешивая сияющий кирпичик в руке. Складывает слитки в мешок. Поднимает с пола обрез, направляет дуло тебе в грудь и несколько раз нажимает курок. Выстрелы ты не слышишь, но тебя трясёт от страха.

Илья Гатилов дернулся во сне, вскрикнул и проснулся. Откинул одеяло, перевернул подушку, заглянул под кровать, провел ладонью по линолеуму. Взял телефон на стуле у кровати, посмотрел последние звонки. Телевизора у него нет, как переехал в панельный дом. Откинулся обратно на кровать, заложил руки за голову и задумался – к чему бы этот сон мог быть? Илья Гатилов – автор статей под рубрикой «тайное знание» на один разворот для многотиражного журнальчика на двух скрепках, авторство в которых скромно дается в конце текста, а не как в художественной литературе – перед заглавием укрупненным шрифтом. С этим гангстером ему всё понятно. Это Большой Черный из последней статьи перекочевал к нему в сон. Один из богов восточной мифологии, устраняя заблуждения на пути к знанию, безжалостно уничтожает их в сердцах людей. Гатилов нервно перевернулся на бок, раздумывая над последующим произволом Черного: вскрытие пола с извлечением мешка с золотом из-под кровати. Подбив подушку, перевернулся на другой; и когда вдруг вспомнил о своей никак не хотящей написаться статье, застрявшей сразу после вводной части, «шапки», его вдруг пробило, как выстрелом, озарило и подбросило к компьютеру. Всё сложилось! Гатилов уверенно вывел пальцем на пыльном мониторе www. Он не мог позволить быть себе нечестным, разжевывая для читателей собранный фактический материал, когда главная идея оставалась для самого за семью печатями, до него не доходило ни с какой стороны, никак не мог допереть, как такое вообще может быть, что наблюдающий, отслеживаемый объект наблюдения и само наблюдение; для краткости – *watcher watched watching(www)* – одна и та же сущность, или – и есть ты! А тут: Большой Черный вытаскивает мешок с золотом

из-под кровати, рядом с подушкой; прямой намек, что разгадка www в том месте, где он проводит ночные часы, то есть драгоценное знание нежится во сне; далее Большой Черный убивает его незнание, затемняющее сияние пути к осознанию этой головоломки. Виденные тобой сны – в тебе, это аксиома. А если www ограничено сном, то придется принять, что происходящее с тобой сейчас тоже должно быть сном и тогда затаканное утверждение, что жизнь – сон, вполне срабатывает в случае www. Гатилов включил компьютер. Ощупал вполне материальный край стола, провел рукой по гладкой лакированной выгнутой спинке стула, втянул воздух через ноздри, тронул двухдневную небритость. Встал, подошел к окну. На улице одинокий прохожий под черным лоснящимся зонтом стоял на переходе у светофора, в красном глазу которого бежали секунды. К пустой остановке подошел автобус. Раскрылись двери. Никто не вышел. Илья Гатилов ясно осознавал в данный момент, что всё счастье, доступное взору – твое счастье, а горести и печали – это твои слезы, как название книги из того сна.